ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ.
Лит. наук. оддѣл ч. 1.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ
ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

НАПИСАВ:
АВГ. ВОЛОШИН.

УЖГОРОД
ПЕЧАТАНО БУКВАМИ АКЦ. ТОВАРИСТВА „УНІО“
1921.

ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ.
Лит. наук. оддѣл ч. 1.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ
ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

НАПИСАВ:
АВГ. ВОЛОШИН.

УЖГОРОД
ПЕЧАТАНО БУКВАМИ АКЦ. ТОВАРИСТВА „УНІО“
1921.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

I.

О языковых спорах загально.

Каждый щирый друг народа нашого задачу интелигенціи нашоѣ в сих историчных роках начала свободнѣйшоѣ народноѣ жизни представляв собѣ так, что отложивши всякѣ вопросы, вызываючѣ споры, буде лишь працовати, буде ширити просвѣту, буде организовати народ экономично и просвѣтно и обома сими подносити народну и политичну самосвѣдомость.

Вмѣсто того, что видиме? Якась непріятельска сила розбила народ наш религійно, вызвала классовѣ и партійнѣ борьбы и недовѣріе к интелигенціи, сія же изовсѣм утратила здорову оріентацію своеѣ народноѣ политики.

Особливо остро выступають стороны в языковых спорах, котрѣ найлѣпше забаламутили умы и сердця наших людей и сіи споры суть головнѣйшими перепонами об'единеня всѣх сил к одушевленной просвѣтной, экономичной и политичной працѣ.

Перед войною, або ще и безпосередно перед революціею у нас не было языковых споров; писателѣ наши постепенно сближалися к народному языку, желаючи сохраняти руську букву, руськое слово и ширити науку. И в первых мѣсяцях житя авт. Подк. Руси, коли в першой Ц. Р. Нар. Радѣ с нами в'едно робили Бескид и Гагатко, всѣ мы единодушно держалися принципа, что язык наш малоруській и что мы хотяй еще не приняли фонетичну правопись закарпатских русинов, и пишеме этимологично, однако не можеме народ просвѣщати чужим ему великоруським

языком. Се и выразно рѣшено было Ц. Р. Н. Радою, коли в дѣлѣ урегулированя почтовоѣ администраціи установлено точки требованій от министерства почт. Тогды ясно было высказано, что урядовый язык наш повинен быти малоруській с этимологичным правописом.

Тогды еще мы не спознавали тоту страшну ненависть, котра розвилася в Галичинѣ из языковых споров и котра межи москвофилами и украинофилами довела до страшных междуособиць.

Залѣзло до нас нѣсколько фанатиков-яничаров царе-славноѣ и большевистскоѣ Россіи, котрѣ сейчас и начали свою опасну, братоубійственну роботу. Простый народ розбивали найнизшою демагогіею, сѣм-там перевели легковѣруючих селян на „кривославіе“, интеллигенцію же нашу роздвоили языковым вопросом. Можно казати, что церкви русько-католицькой, народной просвѣтѣ, экономичной и политичной организаціи народа нашого, найбольше шкодили сесѣ фанатики путем языкового роздѣленя сил интелигенціи нашоѣ и нагнали воду лишь на млин мадяронства або повного ровнодушія.

Правда, что теперь вже народ сильно ненавидить москвофилов, однако им удалося довести до того, что противники фонетичного письма закарпатского руського языка, в'едно с ворогами свободы нашоѣ, громко кричать и против народовцев, прозываючи их „вікраінцями“ и сим роздвоеньем путають всяку хосенну, културну и экономичну роботу нашу.

Каждый, роздумуючій русин скоро порозумѣе, что сеся междоусобна борьба лишь тым ся любить, котрѣ не желають, чтобы русин быв ученый, богатый и чтобы жив собѣ мирно, честно.

Но кто спознае исторію розвитка письменного малоруського языка, тому ясно, что сесь успѣх москвофилов-фанатиков мог ся стати лишь из причины *глубокоѣ неорієнтаціи* нашоѣ публики в сем-то вопросѣ.

Явным доказом е того и недавно появившася брошура п. Игоря Гусьняя, котрый смѣв выписати такѣ небылицѣ: „Литературный язык Пушкина, Гоголя, Тургенева был и литературным языком карпатороссов“, что „великоросс пишет по нашому“, что „великороссы приняли наш малорусскій литературный язык“. Як на авторитет отзываеся

лишь на бабушку Брешковску, а роздвоенье руського лит. языка приписуе Бисмарку (!) с „помочью уніятского епископа Шептицкого во Львовѣ“. (Увидиме ниже, что скаже на сѣ колоссальнѣ глупости історія и петерб. Акад. Наук)

Словом, п. Гусьняй кладе початок малоруського лит. языка к 1848. р., он на 32 сторонах богато расписався, о всѣх и за вся, о Барвинском, Смаль-Стоцком, Триловском, за Винниченка и Алиськевича, за Нечаса, Гоголя; насмѣшкуеся о полонизмах галицкого и мадяризмах нашого языка но ани едным аргументом не поддержуе (и не може) свое великорусское становиско.

Он ставить вопрос (13 ст.): „зрѣлы-ли мы къ разрѣшенію этого вопроса или нѣтъ“ и брошура его громко одповѣдае, что он не зрѣлый к тому.

Мы сильно вѣруеме, что публика наша сейчас перестане спорити о языцѣ и правописи, если упознае історію и наукову правду сего вопроса, котрый мае вже свою богату литературу.

Не треба нам великоруського языка — кажуть наши люде, бо то не наш, то тяжкій для нас, изовсѣм иншак выповѣдаеся як наш и пр., но додають дораз и то, что им не отповѣдае ани так званый украинскій литературный язык, бо пише фонетикою и приняв много чужих, особливо польских слов.

Где туй глядати правду?

А еднако правду мож найти и не тяжко найти. Лишь научно треба розбирати дѣло, треба знати розлучати язык од политики, язык од правописи, язык народный от языка искуственного, язык заґальный от языка по едных писателей.

В интерессѣ правды и успокоеня умов хочеме сей задачѣ послужити.

Головна цѣль наша: *указати на правду* и с помочью еѣ направити всѣ наши умственнѣ силы к общой, хосенной народопросвѣтной роботѣ.

Если лиш то удасться нам, что наша инлеллигенція заинтересуеся сим вопросом, вже и тогды скажеме, что не робили'сме задарь.

II.

Ци правда, что малоруській и великорусскій язык — то един язык?

Прихильники едного общерусского литературного языка отзываються на то, что об'единеніе русских народов придало бы им незвычайноѣ силы, политичноѣ, економичноѣ и културноѣ, что богата великорусска литература была бы общим скарбом всѣх руських племен.

Як нѣмцѣ-баварцѣ и вѣденцѣ, пруссаки так як австріяки мають один общій нѣмецкій литературный язык, так могли бы и русскѣ народы мати свой общерусскій литературный язык.

Все-то, указуеся дуже добрым и обманючим.

И тому бы радовався каждый вѣрный славянин, особливо же малоросс, если бы славянскѣ народы выбрали собѣ великорусскій язык за общеславянскій (яким быв колись старославянскій), если бы во всѣх славянских краях великорусскій язык быв обязательным предметом науки высших класс середних школ, если бы велико русска литература была розширена по всѣм славянским землям.

Но як из квадрата не мож зробити круга, так таких народов, котрых роздвоила історія, найтяжше в едно сковати правѣ на поприщѣ языка. Можно их об'единити господарскими або политичными интерессами, но окреме розвившѣся языки наново об'единити не мож. Се противиться природной розчленуючости языков.

На се замѣтив Ягич*): Dann wird sich die Überzeugung Bahn brechen, dass neben der russischen Sprache, die immer mehr den Charakter einer Weltsprache und Weltliteratur annimmt, auch eine kleinrussische oder ruthenische Literatur ebensogut bestehen kann, wie neben der deutschen Weltsprache das Vlämische oder Niederländische und Holländische, weiter das Dänische, Norwegische und Schwedische ungestört leben und literarisch gepflegt werden". То есть Ягич, хотяй уважав за несчастя славянских народов, что каждый славянскій народ создав собѣ окремый язык и литературу, однако узнае природным, чтобы коло великорусского и 30-миллiонный малоруській народ мав свой язык так само, як коло нѣмецкого языка жіють гер-

*) Die osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen. Kultur der Gegenwart Teil. I. Abt. IX. Leipzig 1908. ст. 19

манскѣ языки: голландскій, данскій, норвежскій, шведскій и пр.

Если розбераеме причины вытвореня сих языков из общегерманского, то потолкуе нам лишь историчный розвой их.

Так повинны мы глядати историчнѣ причины и роздвоеня малоруського и великоруського языков.

Прихильники великоруськоѣ орієнтаціи борются вже и против имени русинов, против слова „ruthenus“. Так и п. Гусьнай каже, что слово „*Ruthenus*“ выдумав в Галичинѣ Стадіон и накинув галицьким Русинам в 1848 р. (ст. 8.), в Угорщинѣ же послѣ 1861., мадьяре по австрійскому методу бросають между интелигенцію лозунг „ruthen-ского сепаратизма...“ Что се неправда, для сего укажеме лишь на граматику Лучкая з 1830 р. (Grammatica Slavo-Ruthena), в котрой Лучкай одрожняе linguam polonicam, russicam, bohemicam—и *ruthenicam*, та подае границѣ, где говорять ruthenica lingua!

Памятники ruthen-ства сягають аж до XI. вѣку, *бо од XI вѣку называеся наш народ... ruthenus*“. Называеся так в латиньских хрониках. В XII. вѣцѣ называно и нашу Подк. Русь не инакше як „marchia Ruthenorum“, як се видиме з „Vita Chunradi regis“... „nuntius ad regem (до угорського короля) dirigitur, qui tunc *in marchia Ruthenorum* morabatur“. В XV. и XVI. вѣцѣ вже добре одрôжньовано назву „Ruthenus“ од „Moscovita“. А навѣть граматики XVI. вѣку робили розлуку межи языком нашим и москальским, як то видно хоть бы з *найстаршоѣ славянçкоѣ граматики* Адама Богорича з 1584. р., в котрôй он каже:

„Arcticae horulae succesivae, de latino-carniolana, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde *moskoviticae, ruthenicae,* polonicae, boemicae et croaticae cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot cyrillicam et glagoliticam et in his *rutenicam et mosoviticam* orthographiam continentes...

Наши руськѣ князѣ называлися „duces Ruthenorum“, про что кождый може сам переконатися, заглянувши до исторіи.

Аж до часов Петра Великого, як то низше обширнѣйше потолкуеме, язык малоруській свободно и окреме розвивався, но тогды в сесю чисто наукову справу замѣшалася политика, котра в исторіи славянскоѣ филологіи, на жаль, брала значительну участь. Так на пр. сербскѣ филологи (Белич)

мацедонскѣ нарѣчія причислили к сербскому, а болгарскѣ (Милетич, Цонев) к булгарскому языку.

Так и централистична политика цареславного абсолутизма попробовала задавити свободный розвиток малоруського языка, но филологія энергично обороняла наукову правду и наконець побѣдила.

Слависты не лишь славянских, но и неславянских народов богато заинтересовалися сим вопросом и розвили обширну литературу. Так: О. Брох (Slav. Phonetik, Heidelberg, 1911), описавшій діалект околицѣ Ублѣ, Leskien (Gr. d. altbulg. Sprache, 1909), Ягич, мадяр. Ашбот (Orosz nyelvtan, 1888), Будде, Платонов, Шахматов и пр., нѣмецкій Hoetzsch (Russland, 1913). Из истинных ученых филологов наших (подк. руських) всѣ держалися тоѣ думки, что наш язык — малоруській и что великорусскій николи не може быти у нас литературным языком; так д-р Алекс. Бонкалов в брошурѣ: „Az orosz és irodalmi nyelv kérdéséhez“ и в книзѣ о діалектѣ околицѣ Рахова обширно доказуе исторично и филологично самостойность малоруського языка; а д-р Гіадор Стрипскій так в „Читанцѣ“, (Мукачево 1919) а особливо в брошурѣ „Старша руська письменность на Угорщинѣ“ также ясно обороняе самостойность малоруського языка.

Особливо богато писали о сем дѣлѣ галицкѣ, украинскѣ и буковинскѣ) писателѣ Смаль-Стоцкій, Верхратскій, Михальчук, Крымскій и пр.). Чтобы мы подали причины изовсѣм об'ективно, прото приведеме туй слова самоѣ петербургскоѣ императ. Академіи Наук, котра в обширном докладѣ „Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“, изданном в 1905. р. на вопрос, ци можеме говорити „объ языкѣ общерусскомъ“, отвѣтила так:

„Не подлежитъ сомнѣнію, что предки Великорусовъ и Малорусовъ говорили нѣкогда на одномъ языкѣ: этотъ языкъ, не дошедшій до насъ въ письменныхъ памятникахъ и возстановляемый предположительно, въ наукѣ принято называть языкомъ „обще-русскимъ“. Но, конечно, не его имѣютъ въ виду при противоположеніи малорусскаго „обще-русскому“. Еще въ эпоху доисторическую „обще-русскій“ языкъ представлялъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ рѣзкія діалектическія отличія, дающія основанія допускать исконное дѣленіе Русскаго племени на три группы: сѣвернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Южнорусскіе памятники древней нашей письменности XI и XII вѣковъ, какъ впервые доказано нашимъ почтеннымъ сочленомъ академикомъ А. И. Соболевскимъ, представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи: изъ нихъ можно съ увѣренностью заключить о значительномъ удаленіи

южнорусскихъ (малорусскихъ) говоровъ какъ отъ среднерусскихъ, такъ и отъ сѣвернорусскихъ уже въ періодъ до-татарскій. Этому удаленію не могло помѣшать и то политическое объединеніе русскихъ племенъ, которое видимъ въ X и XI вѣкахъ: напротивъ, распаденіе русской земли на удѣлы, усиленіе новаго политическаго центра въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги, паденіе Кіева во второй половинѣ XII столѣтія — все это въ значительной степени обособляетъ югозападную Русь, а нашествіе Татаръ довершаетъ это обособленіе. Позже, въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, южнорусскія племена находятъ условія для сближенія съ другими русскими племенами, а именно съ той западной вѣтвью среднерусскихъ племенъ, которая легла въ основаніе бѣлорусской народности. Восточная же вѣтвь среднерусовъ, объединенная Москвой съ племенами сѣвернорусскими, входитъ вмѣстѣ съ послѣдними въ составъ великорусской народности. Только позднѣйшая колонизація XVII и XVIII вѣковъ сближаетъ великорусскія и малорусскія племена въ бассейнахъ Сейма, Донца и Дона. Такимъ образомъ историческія условія содѣйствовали полному разобщенію югозападной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великорусами: отсюда существенныя отличія въ языкѣ обѣихъ народностей—великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка: она напротивъ, усугубила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки Малорусовъ, съ одной стороны, Великорусовъ — съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи. И конечно, живой великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Москвѣ, Рязани, Ярославлѣ, Архангельскѣ, Новгородѣ, не можетъ быть названъ „общерусскимъ", въ противоположность малорусскому языку Полтавы, Кіева или Львова".

Так само одповѣли на сесь вопрос правительства и филолог. факултеты университетов кіевского и харьковского, кромѣ того и губернаторы кіевскоѣ, подольскоѣ и волынскоѣ губерній правительству одписали, что малороссы не розумѣють великорусскій язык.

На вопрос, чи не „имѣются основані признать общерусскимъ (русскій) литературный языкъ", Академія отвѣчае так:

„По неоднократно высказывавшемуся замѣчанію нѣкоторыхъ публицистовъ, Малорусы играли видную роль въ созданіи и въ выработкѣ нашего литературнаго языка. Для доказательства этого положенія признается достаточнымъ упомянуть о вліяніи малорусскихъ писателей и ученыхъ дѣятелей XVII и XVIII в.в. сначала на московскую образованность, а затѣмъ и на Петровскія реформы. Дѣйствительно, вліяніе это отразилось и на нашемъ литературномъ языкѣ, но оно было переходящимъ: усилія великихъ писателей нашихъ все болѣе сближали книжный языкъ съ на-

роднымъ, и ничто еще не остановило того направленія, которое уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка сдѣлало нашъ литературный языкъ вполнѣ великорусскимъ, освободивъ его, между прочимъ, отъ наноснаго малорусскаго произношенія".

И так сама петрогр. Академія констатировала факт, что еще в эпоху доисторичну роздвоилися языково малороссы от великороссов, что исторична жизнь малороссов и великороссов „не создали общого для них языка" и что не е научных „основаній" назвати общерусским теперѣшный *„вполнѣ великорусскій"* русскій литературный язык.

Обширно говорить Академія Наук о свойствах малоруського языка и о безосновности насильственных стѣсненій, выданных правительством против него, и наконець выповѣсть: „все высшеизложенное привело Академію Наукъ къ убѣжденію, что малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ" (ст. 6.).

Сими словами найкомпетентнѣйшого авторитета (а не бабушки Брешковской) одповѣли'сме пану Гусняю, на вопрос, ци е окремый малоруській язык, и что Акад. Наук не лишь *о нарѣчіях* говорила, но о двох окремых языках.

III.

Короткій перегляд стѣсненій малоруського литературного языка в России.

Сусѣдство малороссов с Греками и Болгарами потолкуе, что они скоро перебрали христіанство и греческо-болгарску културу.

Тот староболгарскій, церковный язык и служив первою основою для письменного малоруського языка.

Петр. Академія Наук в спомянутом докладѣ каже, что из юго и западно-руських элементов еще в XIV. в. сложився *„канцелярскій язык Литовского Княжевства."*

Потом сесь малоруській язык подпав вліяпію польского языка, ибо „малорусская интеллигенція XVI. и XVII. в. состояла по большей части из членов казачьей старшины, получавшой воспитаніе полупольское." *)

* Об отм. Стѣсн. Малор. Печатн Слова. Ст. 7.

Сесь письменный малорускій язык во II. половинѣ XVII. в. быв занесен и на сѣвер малорускими учеными богословами, переселившимися в Москву, где по словам Акад. Наук ихъ западничество нашло почву".

„По этой причинѣ — пише „Акад. Наукъ" „ради охраны правовѣрія и единства Восточной Правосл. Церкви при Петрѣ Великомъ было запрещено Св. Синодомъ печатать церк. книги несогласно с великороссійскими печатьми". (1721).

И так вже перва заборона малоруського слова выходила из религійно-политичных цѣлей Петра Вел., для обороны державноѣ вѣры Россіи, подчиненноѣ власти царя.

Под сим часом став розвиватися вел. русскій язык и до конца XVIII. в. „совершенно вытѣснил уже вымиравшій славяно русскій".

Еднако еще в XVIII. в. и малоруська народна литература красно розвивалася, особливо же малоруська народна пѣсня „пользовалася широкой распространенностью в Москвѣ и в Петербургѣ, якъ то видно изъ тогдашнихъ пѣсенниковъ".

Богато литературных памятников мае малорускій язык из среди церковноѣ литературы, и то толковѣ Евангелія, „казаня", книги полемичного содержаня, кромѣ того: историчнѣ записки, народнѣ казки, оповѣданя и пр.

Перва серіозна литературна робота на чисто малоруськом языцѣ явилася в 1798., коли издана *Энеида И. Котляревского* за котрою слѣдовали его комедіи „Наталка Полтавка" и „Москаль чаровник".

Петерб. Академія хвалить у Котляревского „глубокую симпатію к малорусской народности и к малорусскому языку" и признае его „первым малорусским (украинским) народовцем и отцем малоруськой литературы и не только беллетристичной а и научной".

В 1819. р. выдано „Сборникъ" Украинского Пѣсенного матеріала князя *Цертелева*, за ним слѣдовали сборники *Максимовича*, *Метлинского* и многих других.

Из писателей Акад. Наук *Квітку* называе „превосходнымъ разказчикомъ, соединившимъ въ себѣ характеристическія черты малорусскаго духа — юморъ и чувствительность", а Петра *Артемовского-Гулака* — автором „остроумныхъ стихотвореній".

Из „Листка" Квітки. подае Акад. Наук такѣ слова о малоруськом языцѣ: „Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей, съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на том языкѣ писать, *на коемъ 10 милліоновъ говорятъ*.

который *имѣетъ свою силу, свои красоты,* неудобоизъяснимыя на другомъ, свои *обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка*".

Квітка быв родом из Харькова, *Артемовскій* професором и ректором *Харьковского университета,* где „къ занятіямъ малорусскимъ языкомъ поощряли также *Срезневскій*, въ качествѣ профессора славянскихъ нарѣчій, *Метлинскій,* (руській Uhland) бывшій тогда адъюнктъ, потомъ профессоръ Кіевского университета, „страстный любитель всего малорусскаго и собиратель малорусскихъ пѣсень, и поэтъ и историкъ *Костомаровъ*" под предсѣдательством котрого в 1846 в Кіевѣ образовалось *„Кирилломеѳодіевское братство,* котрое об'единило всѣх „любителей малорусскаго слова".

В тых часах р. 1840. в Петербурзѣ появилася славнѣйша книжочка малоруськоѣ литературы и загально того вѣка „Кобзар" Тараса Шевченка найбольшого поета русинов, руського „Петевфія". Тарас Шевченко быв мужиком, котрого недавно выкупив писатель Жуковскій и художник Брюлов.

В слѣдуючом року выйшов из друку найбольшій его эпичный твор: „Гайдамаки", потом „Сонъ", Кавказъ" и проч. Шевченко горячо писав о свободѣ, о будучей свободной Украинѣ, о равноправности и пр. За то арестовали его, и осудили на военску службу в полку осудженых. К суду царь Николай власноручно додав еще, что на вѣки запрещено ему писати и мальовати.

Еднако Шевченко хотяй тайно, но и в тюрмѣ писав и зготовив краснѣ картины. В р. 1857. Царь Александер II. освободив Шевченка из тюрмы на просьбу графа Толстоя, предсѣдателя Академіи Художеств. Но арестованя и строгость цензуры задавили всю свободну думку и спинили и розвиток малоруськоѣ литературы.

„К 60-ом годамъ — пише Акад. Наук — видимъ небывалое оживленіе в украинской литературѣ. Много книгъ разнообразнаго содержанія на малорусскомъ языкѣ стало появляться не только на Украинѣ, но и въ Москвѣ, Саратовѣ, особенно въ Петербургѣ". Так в 1857. р. явилися первѣ повѣсти *„Марка Вовчка,* драматичнѣ творы *Ващенка-Захарченка,* первый роман *Куліша* („Чорна рада"); в 1859 году явився, „Малорусскій Литературный Сборникъ" *Д. Л. Мордовцева*".

Од 1860. до 1863. издано дасколько дешевых книжок для просвѣщенія простого народа: букварѣ (граматики), читанки,

космографіи, книжочки из науки природы и пр. В сих роках выходив и научно-литературный малоруськiй журнал „Основа“ под редакціею *Бѣлозерского.*

Описуючи малоруську литературу тых роков Петр. Акад. Наук примѣтить: „Можно было ожидать полнаго разцвѣта малорусской письменности во всѣхъ родахъ, выработки единаго малорусскаго литературнаго языка, омысленнаго первоначальнаго обученія малорусскаго простого народа посредствомъ родной его рѣчи.“*)

Но в дѣло науки замѣшалася политика. Россія готовилася освободити простый народ, Польща же „мечтала объ освобождении изъ подъ русскаго ига“. И коли малоруська интеллигенція закладала школы и стала ширити просвѣту серед селянством, „Поляки пустили въ ходъ обвиненіе сихъ школъ въ возбужденіи крестьянства къ мятежу“.**)

Кромѣ поляков малоруська письменность найшла еще и другого противника и то в жидах. „Редакція еврейской газеты „Сіонъ“ пише — Академія пустила „впервые обвиненіе украинцевъ въ сепаратизмѣ“. (14. стр.)

И хотяй малоруськѣ дѣятелѣ в министрѣ народного просвѣщенія *Головинѣ* найшли „энергичного защитника“, котрый в журналѣ министерства дав напечатати статю *Лавровского* о самостоятельности малоруського языка, („Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими“), еднако его старанія розбивалися „о противодѣйствіе министра внутренихъ дѣлъ *Валуева* и св. *Синода* съ первоприсутствующимъ митрополитомъ Исидоромъ во главѣ“ (14 ст.)

Тогда поступив „на благословеніе,‘ малоруськiй перевод Евангелія, „тщательно, благоговѣйно и умѣло исполненый инспекторомъ Нѣжинскаго Лицея, Филиппомъ Семоновичемъ Морачевскимъ“. (15 ст.) И хотяй сей перевод быв „горячо одобренный и рекомендованный Академіей Наукъ“, еднако Св. Синод не дав своего благословенія на перевод Морачевского и 20. юнія 1863. р. министр внутр. дѣл заборонив „печатанія книгъ религіозныхъ и учебныхъ на малорусскомъ языкѣ“. (16. ст.) Задарь протестовали филологи и сам министр нар. просв. Головин, Валуев силою своих жандармов отвѣчав на науковѣ и культурнѣ аргументы.

„Но — по словамъ Академіи — стремленіе образованныхъ украинцевъ къ просвѣщенію своей меньшей братіи, любовь къ своему, уже испытавшему свои силы на разныхъ поприщахъ, наконець и естественная реакція противъ незаслуженнаго гоненія,

*) Объ огм. 12. ст. — **) Тамъ-же 13. ст.

почти отнявшаго у нихъ право на пользованіе родною рѣчью не только спасли ихъ отъ уныція, но и заставили подумать о средствахъ къ удовлетворенію своей законной потребности въ словесномъ общеніи съ непросвѣщенными земляками". (16 ст.)

И такъ литературна робота малороссовъ перенеслася в Галичину, „къ великой пользѣ и гордости Австріи, но и къ не меньшему, если не еще большему вреду и униженію Россіи." (слова Акад. 16 ст.)

Само собою розумѣеся, что тота реакція Россійскоѣ полиціи против природного розвоя малоруськоѣ письменности, много пошкодила и самой сей письменности, ибо, як и Акад. Наук примѣтить, даровитыхъ людей о много больше должно быти на Украинѣ, як в Галичинѣ, и кромѣ того малоруссы Украины и матеріально богатшѣ, як Галичане. Велику утрату мавъ малорускій народ Россіи и из того, что „сочиненія, написанныя въ Россіи и напечатанныя въ Львовѣ лишь рѣдко доходили до тѣхъ, кому они были предназначены и такимъ образомъ по большей части не достигали своей главной цѣли". (17 ст.)

В 1876. р. в Петербурзѣ собралася комиссія из министров внутренних дѣл и народного просвѣщенія; обер-прокурора Св. Синода, Шефа жандармов и М. Юзефовича, издавшого в 1863 р. брошюру о русско-польском и русско-малоруськом вопросѣ.

На предложеніе сеѣ комиссии закон 18/30 мая 1876 р. 1) запретив ввоз всѣх малоруських книг и брошюр, 2) дозволив по малоруськи печатати лишь а) историчнѣ документы и памятники, б) произведенія „изящной словесности" — „но безъ отступленій отъ великорусскаго правописанія", в) сценическѣ представленя и чтенія.

Сесь закон не быв сейчас опубликован и россійска интеллигенція узнала о нем лиш из Парижских газет и из брошюры Драгоманова, представленноѣ Парижскому з'ѣзду литераторов.

Но, коли россійска внутр. политика и полиція преслѣдовала малоруській язык, об'ективна вел. русска наука стояла все против таких стѣсненій.

Так 8. децембря 1880 р. Петерб. Академія Наук выписала премію имени Костомарова за составленіе *малоруськоrо словаря.*

Въ 1881. року на доклад министра внутр. дѣл графа Игнатьева царь Александер III. розсказав пересмотрѣти правило 1876 р. И тогда позволено было: 1) печатати малоруськѣ словарѣ, 2) сценичнѣ выставы малоруських пьес и пѣсень, печатати

малоруськѣ тексты при нотах, но опять запрещено устройство специально малоруського театра.

В 1894. р. обновили заборону ввоза малоруських книг из за границы, а в 1895. р. заборонили еще и малоруськѣ книги для дѣтского чтенія.

Но к концу XIX. и на початку XX. вѣка стала славянска филологія и этнографія заниматися вопросом малоруського языка и народа и доказала, что так вокализм, як и морфолонія и загально языкова природа малороссов ближе стоить к южно-славянским, як к сѣверо-славянским народам.

Обширнѣйше стали розберати вопрос сей и великорусскѣ филологи особливо Платонов, Шахматов и Будде и так наконець в 1905. роцѣ, коли „Петербургска Академія Наукъ" в обширном докладѣ, исторично и филологично доказала права и потребы самостойного малоруського языка, тогда зрушили стѣсненія против малоруськоѣ литературы.

Послѣ сего хотяй дуже короткого описанія исторіи переслѣдованя малоруського языка политичными властями цареславного абсолютизма, звѣдаю, ци не смѣшна балаканина п. Гусняя, о Бисмаркѣ, о Шептицком, Стадіонѣ и пр.?

IV.

Квестія о сепаратизмѣ.

Против прихильников малоруського литерат. языка найчастѣйше выдвигаеся обвиненье о сепаратизмѣ. Сим обвиняла первыйраз и шизматицка Церков малоросов, боячися од западничества (т. е. правды в вѣрѣ), потом польска шляхта и жиды (боялися од просвѣты селянского народа), се твердила и цареславна полиція, коли боронила писати, печатати и даже и говорити по малоруськи.

Як то вже Пет. Акад. Наук выповѣла, „сіе обвиненіе основано лишь на одностороннемъ пониманіи исторіи малорусскаго народа и языка и на тенденціозномъ стремленіи ограничить права малорусской народности *въ угоду неправильно понятыхъ интерессовъ великорусскихъ и общерусскихъ*".

Исторія бо доказуе и доклад Пет. Акад. Наук признае, что:

1. Украинофильство с початку „носило характер демократическо освободительный, выразившійся въ боробѣ съ крѣпостнымъ

правомъ и опиралось на панславистическія основы, такъ якъ члены его мечтали о единеніи между славянскими племенами, среди которыхъ они требовали самостоятельнаго положенія и Малорусамъ". (10 ст.)

И сам Шевченко в письмѣ к Шафарику проповѣдае потребу братского обединенія славянства „на почвѣ единства и любви".

2. Первый отпор за часов Петра Вел. встрѣтив малоруській язик со стороны шизматицкоѣ церкви, „ради охраны правовѣрія и единства Восточной Праволавной Церкви", и заборона выдана против западничества богословов малоруских, котрѣ свою христіанску културу переносили аж в Москву. Их и обвиняли в „единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ„.(Акад. 7.)

3. Ненависть против малоруського языка питала реакція польских помѣщиков Украины против освобожденя малоруських крестьян, котрым их родна школа почала отворяти очи и обучати их людским правам. Сесѣ поляки и „пустили въ ходъ обвиненіе учителей этихъ школъ въ возбужденіи крестянства къ мятежу". (13. ст.)

4. К реакціи Св. Синода, полиціи и польских помѣщиков присоединилися и жиды, котрым также не было в интерессѣ културное поднесенье малороссов и их газета „Сіонъ" первыйраз обвиняла украинцов в сепаратизмѣ.

5. Заборонами оторвала власть малоруській язык од его природноѣ почвы, выгнала за границю, и сесим вызвала боротьбу против властей Россіи, вызвала самооборону малороссов за права их родноѣ рѣчи и подала возможность ворогам Россіи и славянства выкорыстати антагонизм двох найбольших славянских народов.

Если тоже настав сепаратизм, тогда в том головным виновником е близорука реакційна политика цареславноѣ Россіи, и если хочеме, чтобы того сепаратизма не было, тогда мусить и перестати всякій гнет, всяка ненависть против малоруського слова и письма, ибо то закон ирироды, что чѣм лѣпше стѣсняеся воздух, тым сильнѣйше буде отвѣчати на стѣсняючу силу.

„*Малорусская* письменность — каже докладъ Пет. Акад. Наукъ (ст. 28.) — возникновеніемъ своимъ удовлетворила, очевидно, *назрѣвшей потребности* и въ созданіи ея всего менѣе принимала участія *политическая интрига или нездоровая тенденція*".

И справедливо звѣдае Акад. Наук: „Можноли въ самомъ дѣлѣ ограничить область употребленія литературнаго языка тѣми или другими предѣлами?"

То самое звѣдаеме мы и от наших москвофилов, котрѣ хотѣли бы на силу спинити природный розвиток нашего родного языка.

С Акад. Наук отповѣдаеме им: „Нѣтъ. творческая мысль не можетъ быть остановлена искусственными преградами. За то всякія искусственныя преграды дадутъ ей всегда ложное тенденціозное направленіе: приведенные выше факты показали, какъ былъ загнанъ широкій и свободный потокъ малорусской творческой мысли въ узкія рамки политической партіи, образовавшейся въ Галиціи, но усиливающей свои ряды, оживляющей свою дѣятельность выходцами изъ нашей Украины, партіи могущественной и популярной именно потому, что одна она блюдетъ свободное развитіе малорусской письменной рѣчи“

Стѣснительнѣ законы пише дальше Академія (29. ст.) „разрушили ту братскую связь, которая завязывалась въ разныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ между великорусскою и малорусскою письменностью. Они прекратили и братское между ними соревнованіе, разъединивъ ихъ окончательно и устранивъ ту общую почву, на которой естественнымъ образомъ опредѣлились бы взаимныя отношенія между обѣими письменностями. Мы видѣли, наконецъ, что эти законы содѣйствовали искусственному росту малорусской литературы въ Галиціи, ибо здѣсь, во Львовѣ и Черновцахъ, ей пришлось отвѣтить сразу всѣмъ многообразнымъ требованіямъ жизни: малорусскій языкъ сталъ языкомъ просвѣщенія и политики, науки и литературы. Правда, и здѣсь онъ встрѣтился съ великорусскою письменностью, поддержанною старою галицкою партіей, но вражда, смѣнившая прежнее братство въ Россіи, перенеслась и сюда, и языкъ—въ началѣ, пожалуй, одинъ только языкъ—сталъ источникомъ непримиримой вражды между двумя половинами галицкой интеллигенціи. Нравственный ущербъ, нанесенный великорусской народности и ея письменности отколовшеюся или точнѣе отколотою отъ нея письменностью малорусскою, не вознаградится поддержкой, оказанной Россіей нѣкоторымъ періодическимъ изданіямъ Святоюрской партіи.“ *)

И тепер зайды лемки перенесли сесю непримириму вражду и к нам. Но як на Украинѣ и в Галичинѣ побѣдив народный напрям, так и у нас естественно лишь народовцѣ могуть выйти побѣдителями. Но если не засвѣтить солнце правды в умы нашоѣ интеллигенціи и с помочью обьективных выводов пет. акад. наук не ступить на дорогу здорового порозумѣня языкового спора, тогда

*) Святогорска партія в Галичинѣ возникла в 60-ых роках минулого столѣтя В языковых справах была противна народному языкови а вели сесю партію каноники митрополичоѣ церкви св. Юря у Львовѣ.

в сей то неминуемой побѣдѣ не лишь малоруськiй язык побѣдить но побѣдить и думка сепаратизма.

В Россiи упав царизм, упала нерозумна и погубоносна реакцiя. Из теперѣшноѣ революцiи побѣдоносною думкою мае выйти между прочим и братска солидарность великорусов и малорусов, мае побѣдити наука и правда.

У нас настала вже можливость свободного розвиваня нашего родного слова. Но не настала еще тота свѣтлость, тота достаточна исторична и филологична орiентацiя в вопросѣ языка, котра потребна к тому, чтобы сесѣ опаснѣ для културы и для политичноѣ свободы интриги вже a limine были отверженѣ.

Ибо звѣдаеме: Кому хоснуе роздуваня огня ненависти и сепаратизма? Никому, лишь ворогам нашоѣ свободы и лѣпшоѣ будучины. Ибо кто поддержуе у нас напр. из чехов напрям великорущины? Швегла, Клофач, Брейха. Значить: Централисты, котрѣ то говорять, что шкода было русинам дати автономiю, або, як Швегла казав, мѣстна автономiя русинов можеся толковати и так, что они могуть собѣ выбирати старостов в селах.

На Словакiи, словацкѣ патрiоты также высказалися коло россiйщины и против нас, хотяй един новинарь „Ческого Слова" (газеты Клофача) отверто казав, что русинов держить он такими сепаратистами супротив великороссов як словаков против чехов. Пан Шварц вѣроятно не знае, что русины о много дальше стоять од россiян, як словаки од чехов.

И комунисты, тай свѣдомѣ мадяроны суть отверто против нашого народного языка, ибо им скорше было бы под руку, если бы наша интеллигенцiя и далше дурила русина через незрозумѣлу кацапску тарабарщину (бо великорусского языка они добрѣ не знають.)

Но звѣдаеме: як можеме соединитися з дальшими русскими, если отрываемеся од близших братов русинов? Поправдѣ робота москвофилов-русинофобов е найгоршим сепаратизмом серед русинов и против россiян.

И як в Россiи, аввторитет науки, Академiя, защищала интерессы правды и права языка малоруського, так и у нас чешскѣ филологи, чешскѣ слависты заступають права нашого родного слова; на ихъ мнѣнiе установлено в первых глубоко уважаемым правдолюбiем президента Масарика в Генеральном Статутѣ, что урядовом языком повинен быти наш мѣстный народный язык.

Вѣруеме, что с помочью ческих славистов удасться нам подняти у нас славянознавство и розогнати и хаос правописи.

V.

Ци мож до малоруського языка примѣнити великорусску правопись?

Коли в 70-х роках минувшого вѣка под примусом заграничноѣ критики и поступа филологіи политична власть Россіи принуждена была дати уступки, тогда в 1876. р. позволила печатати историчнѣ документы и „произведенія изящной словесности“, но сіи предписано печатати „безъ всякихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія“. В 1880 року наново выдано, что „употребленіе церковнаго шрифта въ малороссійскихъ изданіяхъ представляется весьма желательнымъ“.

К сему правно додала Акад. Наук примѣтку, что „еслибы пѣсенка в родѣ „Ой Семене, Семене, чом не ходиш до мене?“ появилась отпечатанною буквами Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, такое противорѣчіе формы съ содержаніемъ неизбѣжно вызвало бы репрессію со стороны той-же цензуры“.

На основѣ высше помянутого закона о примусовой великорусской правописи не дозволено печатати напр. поэму В. *Бѣлого* „Марко проклятый“ (1. апр. 1878) лишь за то, что автор сѣм-там писав *і* вмѣсто *и*.

Тогда обширно обсуждали филологи вопрос о малоруськом правописаніи, и вже в 1877 родѣ была „дозволена къ обращенію въ Россіи“ учебна книга „Руска читанка“ для высшои гимназіи“ Александра Барвиньского, выданна у Львовѣ.

Петербургска Академія Наук критизуючи указы 1876. и 1880. роков, рѣшительно протестуе против таких предписаній и заявить, что *„употребленіе общерусскаго, т. е. на самомъ дѣлѣ великорусскаго правописанія въ малорусскихъ текстахъ есть вообще затѣя неисполнимая, потому, что правописаніе неизбѣжно подчиняется фонетикѣ, а въ работахъ лингвистическихъ какъ словарь, представляется дѣломъ прямо немыслимымъ“*. (Ст. 21.)

Се повинны собѣ зазначити и наши консерватисты, котрѣ не знають одорватися од святого йора, уважають за неотпустительный грѣх писати *и* перед *й* або *і* межи двома согласными буквами.

Они не позирають на то, что в россійском языку *и* выповѣдаеся як мягкое *і*, а *ѣ*, як у нас *ѣе*; забывають, что законы великорусскоѣ правописи примѣнены до великорусского, а не до нашого вокализма.

О вокализмѣ нашого языка занимався я в другой брошурѣ моей, туй лиш то зазначу, что из гласных лишь буквы *а* и *у* мають еднаку роль так в мало-, як в великорусском языцѣ, другѣ гласнѣ буквы всѣ иншак выповѣдаются и переголосуються.

На пр. слово „гости" великорос выповѣдае „gasťi" (die Gästen), но малорос вже не буде читати сіе слово так, як оно повинно быти т. е. hosťi, ибо у нас *и* выповѣдаеся, як мадярское середное é (напр. kenyér).

Або на пр. латинское слово „minister" по великорусскому одповѣдно може ся писати так: „министеръ", бо там *и* выповѣдаеся як *і*, но малорос повинен бы слово „министер" читати вже, як „ménéster".

Або берѣм слово „при+иду=прийду"; по великорусской правописи се маеся писати так: „прійду", ибо перед *й* не можеся писати буква *и*. Се москалеви одповѣдае, бо у него *и*=*і*, но русинови нѣт, ибо у него *и* не выповѣдаеся як *і*.

Словом вокализм малоруського языка не позволяе примѣнити правила великорусского письма до малоруського.

Акад. Наук и каже о тых, котрѣ примушовали великорусску правопись на малоруській язык:

„Мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе! Прежде всего, что разумѣть подъ требованіемъ придерживаться общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требованіе закона 1876 г. такъ, что напр., малорусскія слова: віра, місто—должны явиться въ великорусской оболочкѣ: вѣра, мѣсто, т. е. чтобы звукъ і изображался буквой ѣ, спрашивается, что помѣшаетъ Малорусу изображать черезъ букву ѣ звукъ і также, напр., въ словахъ: дѣд или нѣс? — Выиграетъ ли отъ этого дѣло сбли женія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучатъ лёдъ, нёсъ? Но если дѣло идетъ не объ общепринятомъ правописаніи, а только объ общепринятыхъ въ русскомъ-алфавитѣ буквахъ, *то почему запретнымъ оказалось писать* **віра,** *лѣс вмѣсто вира, лисъ, если і—русская буква* (міръ), *и почему*

малорусскій звукъ „и“, не смягчающій предшествующей согласной, предложено изображать черезъ *ы*, а не *и*? Во всякомъ случаѣ малорусское письмо съ внѣшней стороны могло бы сравниться съ великорусскимъ скорѣе всего, придерживаясь правописанія Малоруса Максимовича. Но, кому же нужно такое внѣшнее сближеніе?“. (Ст. 37.)

Наши „кацапствующіе“ в своей неукости еще дальше идуть. Они не лишь звучню, но и морфологію малоруську убивають формами великорусского языка.

Что „сим противо-естественным насильством як много шкодять културѣ народа нашого, на то классично указуе Академія сими словами:

„Мысли и чувства Малоруса неудержимо рвутся на бумагу, и ему нѣтъ иного исхода, какъ выразить ихъ обычнымъ своимъ просторѣчіемъ, ибо чуждый ему великорусскій литературный языкъ не можетъ стать проводникомъ родной его рѣчи, не можетъ, и по существу своему, не долженъ быть съ нею сближенъ и сравненъ. Реформы Петра Великаго вывели Россію на путь свѣтской образованности: въ результатѣ, съ одной стороны, книжный великорусскій языкъ сравнялся съ разговорнымъ языкомъ Великорусовъ, а съ другой, разговорный языкъ Малорусовъ сталъ языкомъ новой малорусской письменности. Не допустить законность и естественность этого послѣдняго результата— равносильно было бы признанію того, что свѣтская образованность не коснулась Малоруса; это было бы равносильно признанію того, что на сѣверѣ—въ Москвѣ и Петербургѣ— свѣтская образованность должна была сблизить языкъ разговорный и письменный, давъ первому изъ нихъ перевѣсъ, на югѣ же, въ Кіевѣ, та же свѣтская образованность должна была только замѣнить старый письменный языкъ новымъ, еще болѣе отличнымъ отъ разговорнаго, еще болѣе ему чуждымъ“. (Ст. 26.)

Той, Академіею осужденной „неисполнимой затѣи“ желае служити и п. Гусняй, коли заявить: „Признавая общерусскій литературный язык и требуя его введенія в школахъ и урядахъ мы отъ народнаго нарѣчія отклониться не хотимъ“.

Словом п. Гусняй и сам, хотяй филологично не розсудив дѣло, природно чувствуе, что общерусскій язык (якого по словам петерб. Академии и не е) не може быти нашим

и зато не хочє отклонитися од „народнаго нарѣчія". Як думае исполнити „неисполнимую затѣю", о том не говорить.

Шкода и трудитися! Не удалося то на Украинѣ, не удалося в Галичинѣ, даже и на православной Буковинѣ, не удасться оно и нашим москвофилам.

Повторяеме: шкода за роботу, шкода за утраченное время, и найбольша шкода за утраты народноѣ култуоы.

П. Гусняй каже, что простым языком нашим не можно лиш о домашних рѣчах бесѣдовати, что руський народный язык зовсѣм не способный до выраженя высших понятій. На се смѣеме ему сказати, что он ще а ни единого малоруського классика не перечитав. Если бы быв на примѣр хоть дачто читав из Шашкевича, мог бы быв видѣти як можно взнестися высоко, як можно нашим языком без чужоѣ примѣшки и найвыстѣ понятія о Бозѣ гладко выговорити, та ще як сильно, як мудро, як положительно, основно. Не язык народный винен, але тот наш самоучок, котрый не знае по руськи. Шашкевич не рок не два выучовав и розбирав народну бесѣду: То радиме мы и пану Гусьнаю и другим, чтобы взялися до роботы, бо без працѣ никто не стався еще писательом и лингвистом.

VI.

Что говорить нам історія литературы Подк. Руси?

Наши москвофилы часто отзываються на то, что у нас всегда писалося по русски (значить: по великорусски), и что лишь новѣйше заводять русинство ци украинизм.

То каже и п. Гусняй, котрый опираючися на слова Н. Л. Мустяновича смѣв повторити неправду, что „Карпаторусы стояли всегда на точкѣ зрѣнія единства русскаго литер. языка", и что нашим литературным языком быв всегда язык Пушкина, Гоголя и Тургеньева (Ст. 3.)

Ниже обширнѣйше докажеме, что се есть до неба вопѣюча неправда. (Вже и проф. Др Тихій указав на то, что не Мустянович, на галицкій поэт Н. Устянович написав р. 1886. что „великорос пише по нашому и выговоривае по своему".)

Звычайно так говориться, что наша письменность дуже молода, и п. Гуснай датуе еѣ лишь од 60—70 лѣт, т е. од часов Добрянского.

Новѣйшое поколѣня из исторіи литературы сих 60—70 роков мало знае, позирае лишь поверхностно буквы письма и из того судить, что у нас быв всегда напрям великорусскій.

Та сеся думка дуже хибна.

Старѣ рукописи и людова словесность ясно говорять, что у нас была литература, и то жива и *народна* и перед 1830 и 1840. р.

Др Гіядор Стрипскій в брошурѣ „Старша руська письменность на Угорщинѣ“ вже в 1907. роцѣ указав на наши старѣ рукописнѣ книги из XV—XVIII. вѣков як напр. на Лѣтопись Мукачевского Монастыря из р. 1458., Толковное Евангеліе из села Скотарського (1588.), Догматика (1598), Гукливскій лѣтопись (1660.) Учительное Евангелія О. Теодора Дулишковича (р. (1673.), Учительное Евангеліе из Данилова (XVII. в.), Притчи и казаня Теслевцьового (XVII. в.), Унгварскій рукопись (Казаня из XVIII. в.), Угроруській спѣваник (XVIII. в) и пр. и на людову словесность с еѣ казками повѣрками, спѣванками, пословицами и загадками.

А из сих рѣчей голосно говорить к нам народный дух нашоѣ литературы.

Др. Стрипскій перестудіовавши спомянутѣ в его брошурѣ найстаршѣ наши литерат. памнятники и то 56 кусников и найдавнѣйшѣ стихотворы, звѣдае: „На што нас сесѣ старі писаня научають?“ И одповѣдае:

„На самперед на тото, што наші дѣды уміли знаменито по руськи писати, а то подекуды далеко лѣпше, як мы, познѣ внуки. Такимъ чистымъ, народнымъ руснацькимъ складомъ идуть сесѣ слова, гейбы ѣхъ декто изъ нашихъ селяниновъ теперь приказовавъ, Запамятайме собі добре: передъ двастопятьдесятьма роками красше и розумнѣйше писалось у насъ, якъ теперь. (Бо кладѣть руку на сердце, пане читателю, вы бы не потрафили такъ просто и гладко руськимъ складомъ писати, якъ отсѣ старі!) Та чому сеся дивнота?

Подъ Карпатами такъ изъ нашого боку, якъ изъ Галицкого не было у XVI—XVIII. столѣтяхъ ни просвітныхъ осередков (центровъ), ни знатнѣйшихъ школъ руськихъ. Не было літературы по нашимъ розуміньемъ, не было панськоѣ читаючоѣ публики, отже не было кому и писати по панськи, тобто по ученому — церковному. Наша стара публика была переважна не читаюча, але *слухаюча*, отже треба было сесѣ церковнѣ оповіданя писати такимъ языкомъ, якого простый народъ добре розумівъ. *Тому то*

усѣ творы старшоѣ письменности писанѣ народнымъ, руснацькимъ словомъ, якій у насъ тогды говорився."

Воистину правда, что если бы мы знали были продовжати сесю народну письменность у XIX. вѣку мѣсто чужоѣ великорущины, то мы бы стояли теперь высоко у просвѣтѣ. Бо тота стара письменность была *наша*, выросла на *нашой* земли, та мала будучность, но лишь треба было еѣ плекати.

Але нам судилося иншак: — пише Стрипскій — коли „по цѣлой Угорщинѣ найкрасше цвитавъ демократизм (народовство) политично и литературно, тогды передникамъ угорскоѣ Руси забаглося до *аристократноѣ*, до панськоѣ, великоѣ российщины. Перервали зовсѣмъ связь, якій насъ вязавъ до просвіты и передань літературныхъ XVII—XVIII. віковъ; завели у насъ новый, але чужій письменный языкъ московській, та симъ перерізали народъ на двѣ окрем части: на пановъ и на простый людъ. Перші не научилися и до нынѣ по московськи, а писати ѣмъ по простацьки всетаки не хочеся; наслѣдкомъ сего простаки лишилися „у тьмі кромішной", збіднѣли та помарнѣли. Се перша наука, яку можеме стягнути изъ старшоѣ письменности".

И что причинило упадок народноѣ литературы? Історія и се красно нам потолкуе.

В часах Андрея Бачиньского зачали наши попы учитися в Тернавѣ по латинѣ. По латинѣ они й говорили и вже смѣялися з тых, что говорили та писали по руськи. По латинѣ зачали тѣ новѣ вже ученѣ попы писати. Але якое было то их письменство? Кто их розумѣв? Хиба другѣ попы, что знали по латинѣ, бо народ что знав только по руськи, тых книг не читав и не мог читати! Так и отвыкли от руського письма.

В 1831 р. явиться граматика Лучкая его „Ц. Бесѣды" в котрых заговорив народным языком.

Коло 1840 року выступае и Духнович. Язык в его творах опертый по большой части на народном. Духнович написав и „Граматику". Ту граматику выдав в Будапештѣ П. Раковскій. Раковскій змѣнив без дозволу Духновича правопись книжки, „на основаніи чисторусской орѳографіи", за что Духнович дуже сердився.

В 1867 р. зачинае выходити в Ужгородѣ „Свѣтъ". Той поставив собѣ за цѣль ширити *„общерусскій литературный"* язык и „русскую литературу". И як то остро брався он до дѣла! В 4. ч. из 1867 року пишеся в „Свѣтѣ": *„Не надобно намъ*

составляти литературу, какъ то дѣлали на пр. наши братья Мадьяры — *надобно только обучиватися еи!* То задача наша сторицею лекша какъ была помянутыхъ братьевъ и соотечественниковъ нашихъ отъ года 1820“ и т. д.

Готова литература вже в 1867 р.!

Мадяре не мали готовоѣ и творили! Подкарпатська Русь вже въ 1867 роцѣ мала готову литературу! „Не надобно намъ составляти литературу!

На „Свѣтъ“ покликуються часто, як на новинку „общерусску“. А ктось, что не знае дѣл мог бы думати, что и всѣ Подкарпатскѣ Русины из *1867, 1868* и слѣдуючих лѣт были общерусскими та думали як Свѣтъ! *Подкарпатськѣ Русины из 1867 и 1868... были противнѣ московскому духу „Свѣта“ и коли „Свѣтъ“ почав писати по московски, по литературному, стали люде его лишати! С початком 1868 року вже не было й 200 таких на Подкарпатской Руси, котрѣ хотѣли бы „Свѣтъ“ читати и за него платити.*

В 1. числѣ „Свѣтъ“ из 1868 р. е *„Отвертый листъ до редакціи „Свѣта“*. Написав его якийсь „Верховинецъ“. З того листа наведеме деякѣ урывки. Верховинець пише дословно так:

...„Четыреста“ и десять предплатителей надобно (или потребно) къ тому чтобъ „Свѣтъ“ безъ утраты Общества св. Василія, какъ издавателя сдержался; а мнѣ донеслося, *что ни половина сего числа еще не явилася до дне 1-го января*, и что Общество св. Василія только добродушіемъ и въ надеждѣ лучшія будучности — *„только на пробу“* — приняло на себя издержки „Свѣта“ еще *на четверть* года“.

„Я размышлялъ о причинахъ того равнодушія, которымъ публика наша — съ изъятіемъ нѣкоторыхъ предплатителей — отъ „Свѣта“ отвернулася.“

...„Первою причиною паденія „Свѣта“ въ очахъ публики нашей кажется быти: *письменный его языкъ. Кажется, что „Свѣтъ“ пишетъ языкомъ неразумѣлымъ, непонятнымъ публикѣ, писатели его самоохотно выберають слова, изреченія, слоги,* **изъ словарей** *и не употребляютъ языкъ*, **которымъ говоримъ** или слова, которыя каждый читатель розумѣти можетъ безъ словара — которого еще и не есть, чтобъ въ немъ толкованіе словъ на мадьярскомъ языкѣ найти можно было. Публика наша *желаетъ, чтобы писати „по нашему“, безъ „цифрованыхъ слов“ безъ московскихъ слоговъ“*, безъ *„новыхъ выраженій“*. Для чего бо

4 золоти ежегодно жертвовати на то, что не разумѣемъ и читати не можемъ съ пользою и легкостію....

Седмою причиною приводится, что „Свѣтъ“ *не есть для всего народа,* только для образованнѣйшихъ людей; а тѣхъ не есть только, чтобъ 500 предплатителей собрати можно. Даже надобно бы была часопись, писана такъ, чтобъ ею при образованной части народа и нижшія сословія, учители, селяне и пр. пользоватися могли.“ **Верховинецъ.**

Але отсей тверезый та розумный голос „Верховинця“ не знайшов послуху в редакціи „Свѣта“. „Свѣтъ“ дале писав не „по нашому“, а уживав „цифрованыхъ“ слов, „московскихъ словъ“ и т. д. Очевидна рѣч: Русины из 1868 року не розумѣли, не читали и не платили за „Свѣтъ“.

В 30. числѣ из *1869* року зачинаються в „Свѣтѣ“ статѣ „*Какъ имѣемъ писати?*“ В тых статях застановляеся редакція, яка е причина упадка „Свѣта“. И каже: Что причиною сего *паденія?* Да, „*паденія*“, бо „Свѣтъ“ *съ начала хорошо постоялъ — послѣ упадалъ — а еще упадалъ по той мѣрѣ, по которой чистился, образовался и усовершался языкъ, на которомъ писанными были статьи его...*“

Высше згадана статя тянеся в 30, 31, 32, 33, 34 и 35 числах „Свѣта“ з 1869 року. Наведеме з неѣ колька урывков, чтобы показати, як вже тому пятьдесять лѣт дивилися на Подкарпатской Руси на „общерусскій“ язык!

В 33. числѣ „Свѣта“ каже редакція межи иншим: „Вопрошаемъ: *сдѣлались до сихъ поръ мѣры, здѣлался ли малѣйшій крокъ къ тому, чтобъ нашъ „Свѣтъ“ остался приступнымъ и народу? Имѣетъ ли сей „народъ“* и малѣйшія пользы изъ нашего литературного дѣйствія, котораго представителемъ — оживотворителемъ — и punctum culminationis „Свѣтъ“?... Всѣ народности въ Угорщинѣ — даже еще и потупленные жиды, имѣють свои литературныя предпринятія для народа — то есть, для простаго народа — мы же не имѣемъ ничего для сего „простаго народа и хотимъ славитися литературою, *сему народу по крайней мѣрѣ неприступною!* Творимъ изъ *литературы монополь,* содержанный для *нѣсколько людей, а народъ оставляемъ тамъ, гдѣ прежде былъ — при невѣжествѣ*“.

Або в том самом числѣ:

„Мы дѣлаемъ явный вопросъ: *будетъ ли имѣти пользу изъ того народъ,* ежели *десять* или *двадцять* мужей изъ насъ

станутся литераторами, а народъ останетъ *безъ науки безъ просвѣщенія*"?

В 34. числѣ автор высказуе сякѣ важнѣ думки:

„А то всегда рабство не имѣти своей воли, но слѣпо идти за инымъ, куда онъ насъ поведетъ... Головное то дѣло для *народного образованія, не искати литературу народа* — основаніе *литературного развитія индѣ, какъ въ самомъ народѣ*".

Отсе урывки из „Свѣта". Из них видно ясно, что „Свѣтъ" не пустив кореня и великорусскоѣ литературы не перенѣс до нас. Что больше: межи русинами выкликав сей великорусскій напрям негодованя и реакцію. Вже тогды перед 50 лѣтами хотѣли Подк. Русины мати литературу „по нашему", по своему матерному языку.

А сяких протестов против „русского" языка, а против ни мало- ни вел.-русского язычія находиме богато и в Листку. Майже постоянно поносуеся редактор о ровнодушіи публики. В 19 ч. 1886 р. осуджуе У. Метеор язык Карпата, что „сочинилъ небывалый языкъ". Дописователи требують язык „легшій". Появилися статьи Безйорова против Ѣ-а (18., 19. ч. 1886). Як „образцы нарѣчій" печатае „Листокъ" нар. пѣсни, вѣрши, оповѣданя (13, 14, 18, 20 числа 1887). Вѣрши Фенцика, что написав к своей зарученной, написанѣ чистым народным языком.

„Общерусская литература" вже тому 50 лѣт роздвоила Русинов на Подк. Руси на двое. На „ученыхъ литераторовъ" и „темный народъ". „Свѣтъ" из 1869 ч. 33. каже в статѣ „Какъ имѣемъ писати?" „произвели литературу для нѣсколько людей, но принебрегли народъ и оставили его безъ литературы, даже безъ азбуки, безъ букваря, библійки и катихиза... Вотъ примѣръ: мы издаемъ всенародную исторію для интелигенціи — думаемъ для нея издати и словарь, — но и для народа не издали мы еще и одинокую литературную букву, кромѣ рождественныхъ и пасхальныхъ пѣсней и то все — на церковномъ языкѣ".

„Церковная Газета", „Свѣтъ", „Карпатъ", а потомъ и „Листокъ" брали готовѣ фельетоны из рѣжных російских новинок и их передрукововали. Але то, что было свое в Москвѣ — се было чужое на Подкарпатской Руси! От в 33. числѣ „Свѣта" из 1869 пише „Критикъ Свѣта" такое про ту готову литературу: „Для чего намъ искати что то в чужинѣ, прежде бы нежели мы укрѣпилися дома?... Не довольно намъ острѣти перо на московскихъ историческихъ предметахъ, когда наша собственна история дае

нам ежедневно довольно способа поощряти перо наше — надъ самыми себя... Доколѣ мы ходимъ по Москвѣ и Куликовомъ полѣ: дома сгорить собственная будовля... а ни отъ Дона, ни отъ Куликова не прійде никто гасити!"

А колько людей отсе чужое незрозумѣлое письменство одчужило од нас и перекинуло до Мадяров — про то и не згадуеме!

Досить, что вже перед пятьдесятьми лѣтами осудили Подкарпатскѣ Русины „общерусскую литературу" як не родну, а чужу. Чиж дивниця отже, что мы, нынѣшное поколѣня, нынѣшнѣ Подкарпатскѣ Русины не хочеме вже блудити, як блудили нашѣ отцы? Не хочеме блудити шукати чужих богов, а хочеме творити и розвивати нашу родну материнску бесѣду и културу.

Наши москвофилы коли говорять „о нашей литературѣ", глубоко мовчать о всѣх тых, котрѣ писали по нашему.

Москвофилы из малороссов отзываються лишь на Гоголя и не споминають множество малоруськых писательов.

И пан Гусьнай згадуючи про словарь, Митрака и Бескида каже: Других „русинских" словарей здѣсь вообще несуществует." — И се е „вообще" не правдою, бо в 1883 выйшов слорарь Ласлова Чопея котрый е навѣть до сих пор найлѣпшій бо не переробленый з россійськых словаров, но Чопей збирав сам слова *по селах, з уст народа* и прото подав большій діялектологичный матеріял як другѣ.

Кто береся рѣшати языковый вопрос, повинен бы знати також дещо про словарцѣ *Святицького*, *Гнатюка* та *И. Верхратського* долученѣ до их етнографичных та языковых працъ про Подк. Русь.

Історія Лит. нашоѣ свѣдчить, что перед *Ломоносовым котрый в першой половинѣ 18 в. дав основы до „русского литературного языка"* у нас на Подк. Руси писали вже по *нашему по руськи, мали свой руській литературный язык.* Лучкай в 1830. и Фогороши реформовали правопись, а они цѣлком не стояли „на точкѣ зрѣнія единства русскаго литературного языка".

Подобну игнорандію проуказуе п. Гусьнай и в иньших мало- та великоруськых справах. В Галичинѣ каже „началась борба *двух партій*: русской и рутенской (правительственной)" по 1848 р. за стараньем намѣстника Сталіона — (8 ст.) „...... ! А где подѣлася „*Historia ecclesiae ruthenae*" на-

писана Герасевичем з початком 19 вѣка? А где *Ивана Могильницького „Розправа о языцѣ руськôм* з 1829 р. в котрой стоить за самостойностью нашого языка? Где „руська тройця“: Маркіян Шашкевич, Яков Головацкій и Вагилевич, котрѣ вже в 1837 роцѣ выдали в Будинѣ „*Русалку Днѣстрову*“ першу в Галичинѣ руську книжку написану народным языком и фонетичною правописю? Где литературна дѣяльность Антона Могильницкого, Миколы Устияновича та инших? Где Головацького: „Zustande der Russinen in Galizien выданѣ в 1846 р.“

И ци не смѣшно начинати исторію Украины од...... Бисмарка? (ст. 7.) Та куды дѣти Наливайка (XVI в.), Виговського, Дорошенка, Мазепу, Орленка та много, много инших, котрѣ боролися против Польши и против Москвы за свободу малоруського народа? Где подѣти ту всю литературу писану по народному почавши од XVI. вѣка? Где подѣти примѣром переводы святого письма „изъ языка болгарскаго на бесѣду *роуськую для лепшого вырозоумленя люду хрістіянского посполитого*“? Где подѣти словарѣ из XVI. вѣку „изъ словенскаго языка на *простый рускій* „*діалектъ истлъкованы*“?

Словом наши „кацапствующіе“ не споминають ани творов Лучкая, Довговича, Чопея, Чосина, Жатковича, Стрипского и пр. не говорять о том успѣхѣ, котрый мала и наша „Наука“, котра в 1898 роцѣ почала по нашому писати и вже до конца первого рока достала 800 читательов, а „Листокъ“ писавшій тогда „на русскі“ тогды мав лиш 25 читательов.

Они не хотять видѣти факт, что от самого начала, коли у нас штучно завели великорущину, постоянно возростав природный отпор против того язычія и язык писательов наших постоянно сближався к народному.

И коли говорять о граматиках, не хотять увидѣти факт, что Евм. Сабов также сближався к народному, выбирав лиш легшѣ примѣры и указовав на розлуку народного выговора од великор. форм.

Ще дальше пошов ниже подписанный в своей по мадярски написанной малоруськой граматицѣ, „Gyakorlati Kisorosz Nyelvtan“ р. 1907. в передмовѣ котроѣ заявив, что кто хоче знати по малоруськи, тот не потребуе великоруськоѣ граматики, но окрему малоруську граматику мае употребляти;

граматичнѣ примѣры брав из народных пѣсень, пословиць и оповѣдань, и хотяй не досяг до цѣльком чистого малоруського письменного языка, еднако сдѣлав рѣшительный крок к народному стилю.

Се и признала будапештянска Акад. Наук, котра на основѣ критики проф. славистики д-ра Ашбота, учебник сесь, як першу пробу граматики малоруського языка на Угорщинѣ похвалила и грошевою наградою отличила.

Наши „кацапствующіе" не хотять видѣти богату литературну працю К. Жатковича, Ал. Маковицкого, Ир. и Викт. Легезы, д-ра Стрипского, Невицкого, Демяна Лукача и пр. бо сесѣ всѣ были, а котрѣ жіють и суть свѣдомыми народовцями.

Не хотять дознаватися од сих, по правдѣ знаючих свой народ и язык этнографов, филологов и писательов, ож як бы нам писати.

Д-р Г. Стрипскій в брошурѣ „Старша Руська письменность" на ст. 11. пише:

„Але народный, простый языкъ старыхъ писань навчае насъ и на третье дѣло. Именно на тото, *што наші побали намъ сими писанями вже впредъ два сто роками ясный прикладъ до того, якъ треба намъ писати по нашему.*

Кожда література дае намъ такій самый прикладъ.

Берімъ на примірь мадярску письменность. Які сильні, здорові творы полишали по за собою Пазмань, Мікешъ, Фалуді, Гваданѣ, што еще и теперь ѣхъ любо читати; а які мляві, худѣ писаня пописали ѣхъ панські наслѣдники, што належали до школы Казінція. Та чому? Бо Пазмань и Мікешъ писали живою простацькою мадярскою бесѣдою, котру кождый легко розумѣе, а панове Казінційські намагали ся файнымъ панськимъ языкомъ писати, на котромъ теперь уже сміеме ся. Бо ци не смішно было тото, коли Барцафалві Сабо Давидъ такъ писавъ: „A bongora szomoroncz hangozmanyainál epedvényezve bájdanásztak a hon lelkedző leányi". Наврядъ *се по мадярски.* Айбо ци говорить кто такимъ языкомъ, якимъ Сабо писавъ? Треба было ажъ XIX-му вікови наступити, абы Чоконаі, Петевфі, Йокаі та Арань завели порядокъ у тоту мішанину, именно тымъ, што зась вернули ся до старыхъ прикладовъ Мікеша та Пазманя, то есть завели въ літературу живый простый мадярській языкъ. Ану! Яка сильна и красна теперь мадярска література, отъ

коли штовхнули еѣ наперед народні письменники, то есть отъ коли лишили ся отъ панського языка и почали писати простымъ, народнымъ языкомъ! Чому? бо мадяры вызволили отъ панщины не только своѣхъ простаковъ, але и ѣхъ простацьку, здорову бесѣду. А сесе случилося саме тогды, коли на Угорськой Руси завели файный „панськії" языкъ московскій для нашоѣ письменности.

Коли не скорше, то бодай 1848-го року повинно бы было дѣятися и въ насъ такое вызволенье: писати за прикладомъ нашимъ старыхъ по народному. Але на жаль не такъ склало ся. Послѣднымъ такимъ поблискомъ, правда, ознався еще на початку XIX-го столѣтя оденъ письменникъ — Михайло Лучкай, — котрый своѣ проповѣди рішучо подъ вліяніемъ демократичного духа Мадяровъ (што тогды, 1830 р. розширився вже по цѣлой Угорщинѣ) пише розумнымъ народнымъ языкомъ. Та бо съ нимъ и конець! Бо якъ прийшли 1849-го року московські зброѣ на Угорщину, они такъ заімпоновали нашимъ панамъ своею силою, што паны не видѣли по за московщиною передъ собою жадного руського світа. Почали писати на великоруськії прикладъ, змагалися симъ чужимъ, безъ насъ выробленнымъ далекимъ языкомъ писати, та зовсѣмъ забыли продовжати старый прикладъ нашихъ батьковъ. Айбо изъ того не вийшло ничого доброго. Про панськії языкъ зовсѣмъ занедбали простого робучого народа; подражаючи на письмі великоруськії языкъ (бо говорити таки не знали по панськи, лишь писати), не творилися на народну просвіту, лишь носили безхосенно руснацьку каплю у московськое море. Наслѣдкомъ сихъ нездоровыхъ змагань и того чужого *русскаго* языка стратили паны изподъ себе землю, бо неученый, темный народъ збіднѣвъ до крайности; сами паны чужого языка не научилися, а свого забыли, та такъ теперь *обоихъ* позбылися.

Теперь мы живеме якразъ у такомъ положеню, у якомъ были предки наші въ XVII—XVIII-омъ столѣтѣ: не маеме просвітныхъ заведень, не маеме пановъ, не маеме книжокъ, тожъ и не е для кого що панськи писати. Кто теперь читае въ насъ по руськи? Селяне. Та якимъ языкомъ повиннѣ мы для селянъ писати? Розуміеся, што по народному: именно по тому, што у насъ выробився, на нашой земли, нашими письменниками Угро-руськими; языкомъ, котрого простый народъ вповнѣ розуміе и радо читае. Айбо народъ наш-

читавъ и честовавъ лишъ тотѣ старі писаня, о котрыхъ говориме, тому *то наша повинность — продовжати тоту стару письменность,* бо она наша.

Бо у томъ то найгоршое нещастье, што змаганя предковъ нашихъ не найшли у насъ, потомкахъ, наслѣдниковъ. Такого лишъ у дикихъ Австралійцяхъ та у чорныхъ Африканцяхъ видиме.

Бывъ часъ, коли школьный проінспекторъ, Митро Поповичъ писавъ 1796. року Кошицькому продіректорови, што пересмотривъ и выслѣджовавъ понадъ 300 руснацькихъ школъ по нашихъ селахъ и всюды найшовъ великій порядокъ; хлопцѣ училися добре, учителѣ говорили по трьома-чотырьма, народъ бывъ письменный, просвѣтный... А теперь? Сѣмдесять процентовъ селянства не знае буквы; а коли бы не были мадярські (державні) школы, то было бы и 90% неписьменныхъ". (Стрипскій: Старша Руська Писменность 1907. р.)

Словомъ исторія нашоѣ литературы богато осуджуе несчастнѣ пробы великорущины середины мин. вѣка и *загально представляе собою, сильный напрям к народной. малоруськой литературѣ.*

VII.

Яким-же нам языком писати?

Наши москвофилы говорять:

— Добре, добре, тадь мы то вже признаеме, что наш язык то не великорусскій, айбо и так званный украинскій литературный язык не наш, бо много мае чужих особливо польских слов и пише чужою нам фонетикою.

Правда, что малоруській литературный язык в Львовѣ набрав до себе много полонизмов. „Но, як то Петерб. Акад. Наук каже: „польскіе элементы не затемнили народной основы языка."

„Они заняли только мѣсто тѣхъ великорусскихъ элементовъ, вторженіе коихъ было бы неизбѣжно при широкомъ и свободномъ развитіи малорусской письменности на Украйнѣ. Обогащеніе иноязычными элементами—это удѣлъ каждаго литературнаго языка (западноевропейскіе элементы въ нашей великорусской рѣчи доказывають, что отъ вліянія иноземщины не обезпечены даже весьма развитые письменные языки). Но совершенно неизбѣжнымъ

становится вліяніе сосѣднихъ языковъ, когда языки эти принадлежатъ родственному племени; такъ польскій литературный языкъ отразилъ па себѣ вліяніе чешскаго, а посьскіе пуристы ведутъ безплодную и утомительную борьбу съ вліяніемъ великорусскимъ: такъ словенскій языкъ проникся элементами сербско-хорватскими; такъ болгарскій языкъ весь насквозь пропитанъ великорусской стихіей. И такъ же точно нельзя было малорусскому языку уберечься ни отъ великорусскаго, ни отъ польскаго вліянія. Умѣніе воспользоваться иноязычными элементами, отсутствіе боязни къ нимъ, смѣлое отношеніе къ новому лексическому матеріалу—весьма часто свидѣтельствуютъ о силѣ и крѣпости юнаго литературнаго языка, неудержимо стремящагося къ все большему захвату въ области выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ". (Ст. 28.)

И пан Гусьнай закидуе малоруським писателям особливо Винниченкови неологизм. Но звѣдуеме, ци жадному авторови не вольно уживати новых слов? Одповѣдь найдеме в біографіях Шекспира, Петевфіого, Гетого, Пушкина, Гоголя, Шевченка и т. д. Кождый живый письменник живого народа уживае живых новых слов, котрѣ находить у свого народа, а котрѣ ще не были введены в литературу, або котрѣ сам творить в дусѣ народном. Се дѣеся тогды, коли поет, чтобы высказати свои думки, чувства та настроѣ, не находить межи давными уживаными в литературѣ словами одповѣдного слова. Се дѣеся и тогды, коли повстануть новѣ понятія и рѣчи, котрѣ треба назвати. (Ось так назвали у нас: *лѣтак*=машина до лѣтаня, *летун*=чоловѣк, что летить и т. д.)

Тым способом вводиться все и все новѣ й новѣ слова до кождоѣ литературы.

Так назвали на пр. мадяре фамилію мышей, (пацкунов)—rágcsáló-ами, а русины: грызунами.

Коли бы не сѣ новѣ слова, то жадна литература не розвивалабыся. Инша вже рѣч, ци якійсь автор ужіе добре добраное слово, ци зле.

Гайне (Heine) ужив в своих стихах много неологизмов. Лишь метод и логика пана Гусьная дозволяють выступати против всеѣ малоруськоѣ бесѣды прото, что у В. Винниченка найшов п. Гусьнай незрозумѣлѣ слова. Найшов! Кто хоть мало обзнакомленый з малоруським письменством, той знас, что В. Винниченко е великим драматургом, но не е майстром слова. Се одно, а другое: чтобы осудити, ци якоесь слово е зрозумѣлое, ци нѣт, *треба самому розумѣти, самому знати язык.*

Пан Гусьнай не розумѣе слова: рѣчище, трощити и пр. Пане пойдѣть на село и звѣдайте першу лѣпшу бабу: як называеся то мѣсто, куда плыла давно рѣка, а теперь вже не плыне? — А баба одповѣсть Вам: *рѣчище.* — Або звѣдайте еѣ, куда пойшов сын? Она одповѣсть: пойшов *трощити* хворост. И т. д. Такѣ розмовы з бабами розширять Ваше филологичное образованье.

На 24 ст. пан Гусьнай бавиться у лингвистичного диктатора. Каже се слово злое, а мае быти се. Пр. не „чудовый“ а „чудный“. Пан Гусьнай не дôйшов ще в знаню малорущины так далеко, чтобы знати, что в малоруськôм е слово: чудовый, чудный и чудесный—*и кождое з них что иншого значить*... Кажеме: чудовое мѣсто (дуже красное мѣсто), чудный (дивный!) чоловѣк и „чудесное“ воскресенье Лазаря...

Окрем Винниченка обговорюе п. Гусьнай и язык дир. Алиськевича, перед котрым недавно здавав матуру. Дир. Алиськевич винен, что уживае чужих слов: психологія, експерименты, раціональна педагогика, дидактика, нормальный и т. д. — слова, котрих уживаеся у всѣх европейських языках. А найбольше тых чужих слов есть в русском литературном языцѣ, перенятых з нѣмецького (пр. траур, лозунг, форелѣ, курорт, вальдшнепф, флигель, прейскурант, зонтик и т. д.—мѣсто: жалоба, клич або гасло, пструг, купелевое мѣсце, крыльце и т. д.), про что свѣдчать словарѣ як: „6.000 иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ“ и т. д.

Но если тот вел. русскій язык знав переробити тѣ чужѣ слова к своему характеру, тогда лиш стався богатшим.

Так и у малороссов полонизмы не измѣнили народного характера языка и правдою е, что и в польском языцѣ е дуже много русинизмов. Однако од тых полонизмов каждый свѣдомый украинскій литератор усилуеся обчистити свой язык, як то на пр. свѣдчить книжечка, недавно изданна в Вѣдни под заголовком „Паки и паки“, в котрой указав автор на множество полонизмов (на больше, як пан Гуснай).

Язык, як живый организм, росте и постепенно розвиваеся. Стоячи на принципу еѣ еволюціи мы не привязуемеся к ошибкам дотеперь розвившогося языка, не уважаеме днешній его стан закаменѣлым болваном, на котром вже ничь не мож измѣнити.

Головное туй лишь то, чтобы мы *сохранили народный* (*малорускій*) *характер языка.*

На приклад д р Г. Стрипскій перепечатав частину из лѣтописа Гукливского и отрывок из Листка. И поровняв.

„Року 1660. зима была твердая. Снѣгъ упавъ бывъ великый, такъ же люде дорогу у лѣсѣ протоптати не могли; и якъ упавъ на нущаня Пилипово, то аж Благовѣщеніе его рушило. Люде въ недостатку соломы хыжѣ, стодолы геть подерли марзѣ. — Року 1665. вина овощовъ и зерна доста было, токмо на Пудгорю изъ обоихъ сторонъ Бескѣда хлѣбъ дуже бывъ изгинувъ и зимивлѣ барзо мало было. (Изъ лѣтописа Гукливського, рукопись.)

А послѣ 230. лѣтъ, въ Унгварскомъ Листку такъ пишуть потомки:

„Не будь его миленькой сопруги Корниліи, умѣвшей своею веселою натурой всегда отгонять темные облаки со лба своего мужа, да во всякихъ затрудительныхъ обстоятельтвахъ жизни приносить утѣшеніе, иный-разъ пожалуй, неручаюсь, что наклоненъ бы не множко поругать начальство, поставившее его своимъ пренебреганіемъ во столь невыгодное положеніе; но Корнилія всегда съумѣла его выручить отъ искушенія ругательствъ . . . и т. д. (Изъ оповѣданя Уріила Метеора „Бѣда, нѣтъ жида“. Не знаю, ци порозумілисьте сесе; бодай я не розумію.)

Ну? котрое изъ двохъ писань вамъ лѣпше до смаку, почтенный читателю? Котрое то по нашому руснацькому? Видите власными очами, куда нас повела недоля, што не дала злучитися нашой письменности съ еѣ спадщиною, съ старымъ добрымъ руськимъ письменствомъ.

Може скажете: тадь и сесе и тото по руськи написано!

Нѣтъ паночку, вы помиляетесь: року 1660. писалося у насъ по руськи для Руснаковъ, а року 1885-го па-русскі для гаспадинъ! А тото велика розлука. Сесю розлуку выписавъ зовсѣмъ явно Унгварскій Карпатъ такими словами: „Литература пишетъ ся вездѣ для господинъ, а не для простаковъ“. — Што за хосенъ бывъ изъ сеѣ господинськоѣ письменности, можеме видѣти хоть бы изъ того, што отъ 1890-го року она таки зовсѣмъ и померла: а напротивъ: стародавна руснацька література живе у нашой Науцѣ и до нынѣшнього дня. До котроѣ хочете отже пристати: до господинськоѣ, ци до руснацькоѣ?

Мы стоиме рѣшучо за руснацькою народною письменностью, бо она мае минувшину у насъ, отже и будучность мае. Сего ради скажеме такъ: Кто хоче братися до просвѣщеня народа, тотъ

новиненъ по руськи, нашимъ словомъ, руснацькимъ складомъ писати, а то такъ, якъ наші дѣды писали передъ 200 роками, однакожъ съ увагою на поступъ языкового розвою; то есть по народному.

Та что значить по народному писати? Задержаньемъ малоруського (руснацького) характера такъ пишѣмъ, якъ народъ говорить: по просту, ясно, бо сила языкова у народѣ; але безъ кривды нашихъ нарічій. Бо на Угорськой Руси живуть три головнѣ діалекты, котрі характеризуються выговоромъ основного звука „о“ яко і, ӥ, у (кінь, стӥлъ, вулъ.) Жадного изъ нихъ не можеме наверечи другому, то есть першенство не можно дати изъ нихъ жадному безъ кривды другихъ двохъ. Треба отже ихъ конечно зоєдинити у спольный, кождому придатный письменный языкъ. (Старша руська письм. ст. 13.)

А *правопись*, то лишь конвенція, порозумѣнье филологов, ож як будуть они и за ними як мають другѣ писати, чтоб един другого в письмѣ, як найлегше порозумѣв.

„Кацапствующіе“ говорять: языковый вопрос -- то дѣло автономіи, никто не мае права рѣшати, лишь сойм.

Правда, что политичнѣ права языка, права в урядах и школах, его односины к другим языкам, се принадлежить к сойму, но в справах чисто науковых, в справах правописи всягды у всѣх народов рѣшали лиш до того розумѣючѣ люде, рѣшали Академіи, рѣшали власти науки и просвѣты.

Москвофилы сим фальшивым откликом на сойм, хотѣли бы лишь спинити природный и здоровый розвой нашого письменного языка.

Анкета, котру Шк. Отдѣл скликав в дѣлѣ засад правописаня, довела до таких головных рѣшень:

1. Держатися до языка народного (малоруського). 2. В письмѣ сохранити этимологію на основѣ новѣйших розвѣдок филологіи. 3. Сближатися к нашему так званному верховинскому говору ид котрому стремится природный розвиток и прочих нарѣчій.

Сим и подана можность сближатися к литературному языку закарпатских братов, из другоѣ части же этимолочисна правопись и наши архаизмы придалутся к пурификаціи малоруського литературного языка од полонизмов и москализмов.

Може ктось звѣдати, ож прочто выбрата анкета за образець правѣ верховинскій говор, а чому не язык долишняи?

Та и се дуже проста рѣч. Язык долишнян переповнен мадяризмами и словакизмами, а на Верховинѣ найчистѣйше сохранився народный характер языка. Кромѣ того сим нарѣчіем говорить огромное большинство великого 40-міліоного малоруського народа. Что до примѣненя сих засад до практики анкета указала особливо на два правила великорусскоѣ правописи, котрѣ противляться вокализму нашому и о котрых вже и пе ерб. Акад. Наук то самое выповѣла; сесѣ правила односяться к писаню буквы *і* межи согласными и буквы *и* перед гласными. На пр. міністер, прийду.

Майже изовсѣм к такому результату дойшов и д-р Стрипскій, котрый еще в 1907 року поставив ось такѣ правила:

1. Задержати всѣ свойства малоруського языка, котрі спольні такъ у нашой бесѣдѣ, якъ у Закарпатськихъ Русиновъ, именно на сесѣ приклады: добр*а* княжка, стар*і* письма, учен*ого* чолов*і*ка, народно*ѣ* творчости, появле*нье*, по*вн*о, говори*въ*, пиш*уть*, пивниц*я*, словарець, ру*ськ*ій, Русинъ.

2. Задержати Угроруські свойства: здоров*ый*, добро*е*, Исусов*ы* родич*і*, *бы*къ *и* *мы*ло, быти, *што*, *най*, пишеме, *И*ванъ, письменн*ость*, ци.

3. Задержати коренный звукъ „ô" для золляня трехъ нарічій на пр.: *ôдъ* Бога, червеный к*ô*нь, т*ô*лько на т*ô*мъ дѣлѣ, добрыхъ твор*ô*въ, на Подкарпатськ*ô*й Руси.

4. Головное правило правопису: уминати двохзначностей. Про то пишеме: кажуть—лишь, вікъ—лѣсъ, екзаменъ, —едность Однакожъ изъ недостатку черенокъ у друкарнѣ не можеме розлучати звука *je* отъ звука *е* особною буквою (хиба церковною є); тото само мусиме чинити для точности и съ звуками *г* и g: томужъ пропускаеме ѣхъ.

5. Уминати довгі слова, бо то не до руського смаку. Бо коли кажеме (зовсѣмъ добре) ч а с ▪ п и с ь, та чому бысьме писали о п и с а н і е? По руськи красше: опись; споминки (місто воспоминанія), з м і с т ъ (содержаніе), выразъ (выраженіе).

6. Уминати московські слова, коли маеме своѣ. Приміромъ най служать сесѣ слова, изъ котрыхъ перші — тото московські, а въ клямбрахъ—наші: надо (треба), пусть (най),

Русскій (Русинъ), деревня (село), крестянинъ (простакъ), воскресеніе (недѣля), недѣля (тыждень), господинъ (панъ), какъ (якъ), качество (якость), количество (колькость), историческій (историчный), міръ (світъ), когда (коли), бросити (метати), бодрѣе (лѣпше), преуспѣяніе (поступъ), вниманіе (увага), мальчикъ (ученикъ, школярь), бумага (папірь), нельзя (не можъ), глазъ (око), шляпа (клебанъ, крисаня, шапка), время (часъ), часъ (година), почти (майже), очень (дуже), изъятіе (выѣмка), вслѣдствіе чего (въ наслѣдокъ чого), баня (купіль), бранить (посварити), бrозда (узда, вудило).

Та се лишь проба, бо отходящихъ отъ себе словъ мають Москалѣ и Русины безъ числа, якъ увидиме изъ словаря Угро-руського, што теперь ладиться и появиться въ Унгварі".

Се было писано вже в 1907. р. Писано щиро нашим русином, ученым этнографом и филологом.

Он стояв на основѣ этимологіи и так выбудовав систему правописаня.

Се хоче учинити и школьна управа наша, котра не може дальше позирати на хаос правописаня, ибо выдаваемѣ учебники также маються держати до еднoѣ нормы.

Систему правописаня треба критизовати в цѣлости, а не по отрывным частям, из котрых нам едно або другое правило не любиться.

Этимологично пишеме и мы и посему будеме писати, т. е. на основѣ розбора слов и аналогіи. Головным правилом повинна туй быти *строга логика анологія и исторія языка.*

На пр., наша этимологична правопись не позволить писати: краща або дуща, но крас-ша, дужша; мы не пишеме ни кінь, ни кунь, но конь; не пишеме громацкий, но громад-ский и пр.

Но логичный принцип этимологіи од правописи требуе и то, чтобы мы писали *і* и меже согласными, на пр. великі (а не великѣ), ибо аналогія букв ѣ, ю, я требуе, чтобы мы не писали *ї* (јі) там, где не е мягкое і. Правда, что против сего послѣдного мож ужити историчный аргумент этимологіи, котрый требуе, чтобы мы писали рѣпа, свѣт и т. д.

Сесѣ суть найвиднѣйшѣ розлуки межи малоруською и великоруською этимологіею.

И так по нашей гадцѣ, одповѣдно историчному розвитку нашого этимологичного правописаня мы повиннѣ писати сяк:

На примѣр:

Ишли козы попод лозы
А цапы лавками
Не пий, не пий паленочки
Горѣвки з дѣвками.
И я не пю, и ты пьеш
Та кто буде пити?
Та кто буде на жидовскі
Спроты робити? (Нар. пѣсня.)

Або:

Несе баба колодочку
А дѣдо корчагу
Чекай, дѣду, не утѣкай
Най ти выву у ногу! (Нар. пѣсня)

Або:

Ой не ходи Грицю
На вечерницю
Бо на вечерницѣ
Самі чарôвницѣ:
Солому палять
И зѣля варять
А тебе Гриценьку
Счарити хотять. (Нар. пѣсня)

Або:

Танцьовала свиня з вовком,
Та стратила мѣпца з шовком
Бѣда бы ти вовче стало
Кий ми хосен з танцованя. (Нар. пѣсня.)

Як видно туй дуже мало измѣнено, лиш только, колько логична этимологія конечно потребуе.

Сесѣ змѣны дуже улегшають правопись, улегшають роботу учителей азбуки и грамматики А сесим и поможеме ширеню просвѣты, газет и книг.

VIII.

О причинах ворожнечи против народного языка.

Каждый здорово роздумуючій чех або мадяр чудно позирае на нашу языкову борьбу и стане сейчас дознаватися, ба что е тому причина.

На жаль сяких причин находиться у нас дуже много.

1. Первою и головною причиною е неорієнтація, *неукость.* Слѣпому не мож говорити о фарбах, глухому о красотах мелодій. Так задарь буду я толковати красоту родного языка нашого, если тот интеллигент zoz Lemešanoch ne znať po ruski, або если он из языкознавства лишь только знае, что спознае буквы и колись перед 30—40—50 роками научився из переписаноѣ без филологичноѣ критики на наш язык російскоѣ грамматики едну або двѣ деклинації и инше ничь; котрый читав лишь пару статьей из „Свѣта" або „Листка", и не видѣв ни одного малоруського классика.

Та колись перед 60—70 роками и львовска старша руська интеллигенція протестовала против народного языка, бо ще не изоблекла з себе польску културу, и не набрала на себе своеѣ родноѣ.

2. Многѣ из самого субьективного консерватизма суть против всякоѣ реформы. Они привыкли к „ъ"-у, не знаються од него одорвати, хоть бы уже цѣлый свѣт забыв за него. Сесѣ консерватовцѣ против прогресса в языковом дѣлѣ мають лишь один аргумент: „Не любиться ми" и готова диспута.

3. Многѣ из межи ворогов народного языка *из политичных причин* подпорують москвофилизм и роздувають языкову борьбу. На пр. не треба довго толковати прочто помагають москвофильству пражскѣ централисты (Швегла, Клофач и тов.).

Общезнано и то, что поеднѣ ческѣ политики из зле толкованого руссофилства стали на сторону кацапов. Так напр. проф. Нідерле в творі „Slovansky Svět", Praha. 1909. (под загл. „Slavjanskoje plemja" появилося и Encykl. Slav. Filologii) признав, что „meži Velkorusy a Malorusy jest rozdil hlubši. Jest nejen v jazyku nybrž i v těle a v duši lidu: v povaze, temperamentu, v pisni a ovšem i v kroji, v obyčejich a zvycich и хотя доста обьективно пертрактуе мало- и великоруській вопрос, еднако высказуеся новѣйше за едность русских племен.

Історія стѣсненій малоруського языка и борьба славянскоѣ филологии за права малор. слова доста ясно доказують, что новѣйша, свободна, демократична Россія не може повторяти ошибки цареславноѣ реакціи.

Интересантно, но так е, что многѣ из мадяронства выступають против малоруського языка. Они боятся од воскресеня русинов через народну просвѣту и видячи великѣ услуги московщины для мадяризаціи, любили бы и теперь спинити розвиток народноѣ култури.

Не хочеме никого обижати, но могли бы мы указати на лица, котрѣ были загорѣлыми противниками автономіи русинов даже и под Мадярами, а ще горшими ворогами конфедераціи русинов с чехами, и теперь вьедно роздувають ненависть против руськихъ народовцев с лемками-кацапами.

К политичным противникам народного языка можеме причислити и большевицких агитаторов, так россійских як и мадярских, ибо цѣлям их скорше послужить темнота селянства, як христіанско-народна просвѣта.

4. Коло политики не малу роль играе в языковом спорѣ и *религійна борьба,* борьба за „кривославіе", борьба против гр.-кат. церкви. Спознаеме многих, котрѣ колись в осени 1918. рока ходили до Станиславова заявити, что прилучаються до Украины, котрѣ присягали на синьо-жовту заставу в Хустѣ, и теперь подписують протоколы, диктованнѣ агитатором-шизматиком, о требованіи великорусского литературного языка. Русска вѣра—говорять—то московска вѣра, и з вѣрою, не розпознаючися в языковых спорах, упадають в когти кацапов, як агитаторов единства русского языка.

Не треба нам долго толковати, что сепаратизм москвофилов особливо шкодливый е против гр.-кат. церкви, котра в Галичинѣ мае вже богату литературу и розвиту духовну жизнь?

5. На конець суть и такѣ, слабшѣ вже единицѣ в крузѣ интеллигенціи, котрѣ из личноѣ ненависти против проводиров народного напряму, або из низкого штреберства, глядаючи ласки сего або того стовна москвофильства, переплыли на воды кацапствованя.

IX.

Заключенье.

Из приведенных доказов каждый читатель наш мог убѣдитися о слѣдуючих фактах:

1. вопрос самостойности малоруського языка вже давно рѣшила жизнь и филологія, признав найавтентнѣйший фактор, т. е. Акад. Наук в Россіи;

2. борьба против малоруського языка была выкликана лишь посторонными религійными, политичными и экономичными интересами, но николи не была обусловлена наукою;

3. сам малоруській язык и народ ничѣм не причинився к вытвореню сепаратизма и что малоруській язык ничим не противиться славянской солидарности;

4. невозможно примѣнити вел. русску правопись до малоруського языка, но если и сохранится. этимологія, и тогды неотмѣнно нужно дасколько вел. руських правил оставити або приспособити к свойствам малоруського языка;

5. історія литературы подкарп. руського языка лишь своими аберраціями (блудами) оправдае затѣю сближеня к великорусскому, но сам здоровый, штучно из Россіи не поддержованный розвой языка ишов по дорозѣ народного малоруського языка;

6. полонизмы галицкого, полонизмы и москализмы украинского и мадяризмы подкарп. руського языка не измѣнили народный характер малоруського языка, свободна эволуція котрого повинна стремитися к обчищенію языка од всѣх чужих элементов и форм и выробити чисто малоруській литературный язык.

И понеже, сторонництво ко московщинѣ е у нас

1. анахронизмом
2. шкодить култу́рной роботѣ,
3. шкодить церкви и духовной жизни,
4. шкодить экономичным интересам и
5. спиняе и политичну консолидацію,

для того с силою глубокого убѣжденя кличеме каждого широго друга правды каждого искренного славянина и русина, чтобы рука в руку став против розбиваючого нас и ничѣм не обусловленного москвофилизма.

Борѣмся против полонизмов, против москализмов або мадяризмов, но не борѣмся против самого родного языка, котрый ничим не винен в том, что не мог свободно на своей родной земли розвиватися.

Коли маеме вже своеѣ свободы, коли наша влада не може быти ворогом своего материнского слова, тогды не будьме ворогами ему мы сами, сыны руського народа.

Выдавництвом тов. „Просвѣта“ в Ужгородѣ выйшли до теперь слѣдуючѣ книжки:

Ч. 1.	Что то „Просвѣта“ — Василя Пачовского ...	1 Кч.
Ч. 2.	Чортъ на весѣлю — оповѣданя изъ житя Верховинцѣвъ — Лукача Демяна	3 „
Ч. 3.	Выборъ изъ поезій — Стефана Рудянского ...	3 „
4—7.	Исторія Подкарпатскоѣ Руси — Василя Пачовского	12 „
Ч. 8.	Чимъ и якъ гноѣти — М. Творидла	2 „

Оддѣл музикальный:

1.	Подкарпатскѣ спѣванки для хору — — першій десяток — уложив О. Кізима	10 „
2.	Гры и забавы для дѣтей для ужитку в захоронках и школах — зложив М. Рощаховскій	— „

Оддѣл литературно-науковый:

1.	О письменном языцѣ Подкарпатских Русинов А. Волошина	6 „

Печатаються:

1. Пошестнѣ хвороты на Подк. Руси и як их сокотитися — Д-ра Манацкого.
2. Литературнѣ стремлѣня Подк. Русинôв — д-ра В. Бирчака.
3. Исторія Подкарпатскоѣ Руси ч. II, (до найновѣйших часôв)— В. Пачовского.
4. Як газдують данькѣ селяне — М. Творидла.

Замовляти можно всѣ тѣ книжки в канцеляріи тов. „Просвѣта“ в Ужгородѣ, Капитульна ч. 10 або в книгарни „Уніо“.

Кождый Русин и Русинка повиннѣ быти членами тов. „Просвѣта“, Подкарпатскоѣ Руси. Членьска вкладка 10 кор. рочно.

В кождом селѣ повинна быти читальня тов. „Просвѣта“.